

Роберт Кляйн

Немец Поволжья

Часть третья

В полярной преисподней

18+

Роберт Кляйн

**Немец Поволжья Часть третья
В полярной преисподней**

«Автор»

2026

Кляйн Р.

Немец Поволжья Часть третья В полярной преисподней /
Р. Кляйн — «Автор», 2026

Третья часть романа «Немец Поволжья» — «В полярной преисподней». Александр Майер не собирался оставаться в Германии, но обстоятельства сложились так, что он оттягивал и оттягивал возвращение. Американцы кладут конец его колебаниям и репатрируют его в Советский Союз. Недобровольный характер возвращения расценивается как гражданская измена Родине, и Майер получает семь лет лагерей. В начале 1946 года он оказывается в Воркутлаге. Голод, холод, террор уголовников ставят его на грань гибели. Но случается чудо. В марте 1953 года, через тринадцать лет после ухода в армию, он обретает наконец свободу. Но куда ехать? На старую родину в родительский дом возврата уже нет.

© Кляйн Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Роберт Кляйн

Немец Поволжья Часть третья

В полярной преисподней

Нам ли весить замысел Господний,
Всё поймём, всё вынесем, любя —
Жгучий ветер полярной преисподней —
Божий бич — Приветствую тебя!
(Максимилиан Волошин «Северовосток»)

Фильтрация

Из проверочно-фильтрационного пункта в Торгау Александра Майера отправили в один из проверочно-фильтрационных лагерей¹ на севере России, что было плохим знаком — в такие лагеря отправляли обычно лиц, подозреваемых в сотрудничестве с врагом.

Была глубокая осень. Над землёй висело тяжёлое, многослойное небо с нижними расрёпанными белёсыми облаками, торопившимися на юг под плотным тёмно-серым покровом, сгущавшимся на горизонте в свинцовую синеву. И постоянно шёл дождь, то в виде гонимого ветром тумана, то всё вокруг скрывавшей занавеси. Из зарешёченного окна было видно тоскливое поле до самого горизонта, с мокрой ржавой травой и проторённой в ней дорогой, поднимавшейся вдаль на высокую насыпь шоссе. По шоссе ехали машины: чаще всего трёхосные «студебеккеры», реже наши полуторки с прямоугольными кабинами, ещё реже легковушки. С другой, более весёлой стороны лагеря был расположен небольшой город, но заключённые видели его только во время прогулок, с которых возвращались в камеры мокрыми и замёрзшими.

Сашку вызвали на допрос на другой же день его прибытия в ПФЛ.

Его следователя звали Чолобов. Ему было лет тридцать, у него были светлые курчавые волосы и выпуклые, немного косящие глаза. Кроме этого ничего примечательного в нём не было, но и этого было достаточно, чтобы запомнить его на всю оставшуюся жизнь.

— Ну что, гражданин Майер Александр Эдуардович, приступим к работе? — сказал он, когда Сашка ответил на все формальные вопросы, положенные в таких делах. — Результатом нашей работы для вас будет жизнь или смерть... — Он внимательно посмотрел на Сашку.

А тот почувствовал, что под ложечкой у него противно засосало.

— Впрочем, возможно что-нибудь среднеарифметическое между этими величинами: например, двадцать лет лишения свободы. Как вы на это смотрите?

— Разумеется, плохо.

— Ага, плохо значит! Ну тогда расскажите нам, как вы сдались в плен.

— Я не сдавался в плен.

— Так-так... И как же вы в нём оказались, если не сдавались?

— Меня сдали в плен.

— Во как! Ооочень интересно. Первый раз слышу такую версию! И кто же вас сдал?

Майер пожал плечами:

— Кто сдал, мне неизвестно. Под Могилёвом наш артиллерийский полк вырвался из окружения. В последнем бою я подбил танк. Я полагал, что за это представляют к награде, но не тут-то было! Вместо этого меня и всех оставшихся в живых немцев-красноармейцев вызвали к командиру полка и зачитали приказ о нашем разоружении и отправке в тыл. Но в то время Могилёв уже был окружён и никакого тыла не было!

---

¹ ПФЛ

— Угу... И за что же вас разоружили и отправили в тыл? Ведь во время военных действий просто так не разоружают.

— Наверное мы не внушали доверия.

— Почему же вы не внушали доверия?

— Я предполагаю, потому что мы немцы.

— Так-так. А вам не приходило в голову, что недоверие к вам основывалось не на пустом месте?

— Я не понимаю о чём вы говорите.

— Я вам объясню. Наши чекисты провели спецоперацию по выяснению настроений и, скажем так, степени преданности немцев Поволжья Советской власти, правительству и, шире говоря, всему нашему народу. Колонна переодетых в немецкую форму красноармейцев несколько дней появлялась в различных районах республики, и ни один, слышите, ни один житель не сообщил о появившемся враге советским властям! Что это если не измена? Вы, наверное, уже слышали, что наше правительство приняло превентивные меры и выселило всех жителей бывшей республики немцев Поволжья в восточные районы страны, а саму автономную республику ликвидировало?

— Да, слышал. Я бы тоже не сообщил никому о колонне немецких войск на восточном берегу Волги. Я подумал бы так: «Если я вижу немцев, то уж подавно их видят те, кому по долгу службы положено их видеть!» Откуда взяться немцам за Волгой, когда фронт стоит на Днестре? Я предположил бы, что меня проверяют не на преданность, а на умение держать язык за зубами и не быть паникёром.

— Гм... Но мы отвлеклись... Итак, вас разоружили и отправили в тыл. Что было потом?

— Нас повезли в Могилёв.

— Кто повёз?

— Сопровождал нас младший политрук Матвей Арютов. Сначала он привёз нас в солдатскую столовую пообедать. Мы ещё не приступили к обеду, как начался авианалёт, и рядом со столовой взорвалась тяжёлая бомба. Обед наш оказался на полу.

— Что было на обед?

— Борщ.

— Вкусный?

— Какое это имеет значение, если мы так и не пообедали.

— Угу... Ну и дальше что?

— Политрук отвёл нас в пустовавшую школу и ушёл за инструкциями что с нами делать. Вернувшись, сказал, чтобы мы не высовывали носа, так как немцы высадили десантников, переодетых в красноармейскую форму. Нашим приказано в плен их не брать, и уничтожить на месте. А мы в красноармейской форме, с немецким акцентом — вылитые диверсанты. Он нас предупредил и ушёл. Больше мы его не видели.

— Бросил вас?

— По-вашему, бросил, а, по-моему, сдал в плен.

— Гм... Объясните.

— Разве разоружить солдата и отправить в окружённый врагом город не есть сдача его в плен?

— Это не вам судить! Итак, вас привезли в Могилёв и бросили. Что вы делали дальше?

— Посидели без еды. Очумели от неизвестности, и тут нам повстречался один майор. Фамилия его Быстрицкий. Он нам поверил, поставил на довольствие, потом выдал оружие. Мы участвовали в боях за Днепровский мост. В конце июля гарнизон Могилёва, и я в том числе, попытался вырваться из города. Большинство наших солдат погибло, группу, в которой был я, полностью уничтожили. Это было на западном берегу Днепра. Там, в лесу, я похоронил своего

друга Давида Губера, и оказался в лесу за городом один. Стал думать, как быть дальше. Решил переправиться на восточный берег. Переплывая Днепр, чуть не утонул.

— Вы прорывались из Могилёва на запад? Странно!

— Прорыва на запад немцы ждали меньше всего. Предполагаю, что наши командиры рассчитывали на эффект неожиданности. Но колонна напоролась на немцев. Не знаю, возможно случайно. Нас расстреливали в упор. Мало кому удалось прорваться.

— Итак, ты остался один. Оружие, конечно, бросил?

— У меня была винтовка, но не было патронов.

— Ну конечно, конечно! Так все говорят.

— Моё дело рассказывать, как было, а ваше верить или не верить.

— И что же ты солдат без оружия стал делать дальше?

— Стал искать дорогу к своим.

— И как же ты её искал?

— Сначала хотел пробираться прямо на восток. Потом решил спуститься на лодке по Днепру к Киеву.

— Вот как?! Почему к Киеву?

— Я был уверен, что Киев не сдали и хотел присоединиться к какой-нибудь части.

— Откуда же ты взял лодку?

— Она лежала на берегу.

— Допустим, что я тебе поверил.

— Я умирал от голода. Увидел какое-то село, решил зайти и попросить хлеба на дорогу.

— И как? Не дали?

— Когда шёл к селу по открытому полю, меня заметили немецкие кавалеристы и задержали. Потом пригнали в лагерь для военнопленных в Луполово. Там нас не кормили, почти не давали воды. Мы начали умирать от голода. Нас умерло очень много.

— Сколько?

— Это невозможно посчитать.

— Как же ты остался жив?

— Немецкий офицер, ярый нацист, может сошедший с ума от нацизма, сказал, что пленные останутся в лагере на всю зиму под открытым небом и сдохнут от голода и холода. Но он не допустит, чтобы немец сдох, как собака и предложил мне выбор: вступить в рабочий батальон или...

— Что или?

— Или он сам меня расстреляет.

— И ты согласился пойти в батальон.

— Рабочий батальон не воевал против своих.

— Но помогает воевать врагу.

— Если не нас, немцы заставили бы делать эту работу местное население.

— Понятна отговорка! Ну что, Александр! Как ты попал в плен, я понял. Завтра мы поговорим о том, как ты себя вёл в плену. Подожди, я допишу протокол.

— На, прочти, — сказал он, закончив писать.

Майер прочитал.

— Всё верно?

— Верно.

— Тогда напиши: «С моих слов записано верно» и распишись.

Майера вызвали на допрос через два дня.

— Итак, — сказал Чолобов, — тема нашей сегодняшней беседы твоё поведение в плену. Для начала ознакомься с этим документом.

Следователь протянул Майеру лист бумаги.

— Что это?

— Это показания бывшего красноармейца №-ского кавалерийского полка Трушкина Ивана Алексеевича.

Александр прочитал следующее:

«С октября 1941-го по май 1942-го года я находился в составе рабочего батальона, который был задействован немцами на строительстве оборонительных сооружений. Среди знакомых мне пленных Красной Армии могу назвать Майера Александра, немца по национальности. Отчество вышеназванного лица мне не известно. В плену Майер проявил себя с наихудшей стороны. В декабре 1941-го года в деревне Алёшкино я жил с ним на квартире, вернее в погребе, гражданки Вороновой. Майер имел постоянные контакты с немецкими солдатами, которые часто приглашали его в дом для совместного пьянства. Из дома в погреб он возвращался всегда нетрезвым и агрессивным. Мы имели благоприятные возможности для побега, так как нас никто не охранял, но вышеозначенное лицо выступало категорически против и в злобном тоне угрожало мне и моему другу сержанту Петрову, что донесёт о нашем намерении врагу. Какие сведения передавал Майер немцам мне неизвестно. Но несомненно, что его взаимоотношения с ними были очень любезными и добродушными».

— Что ты, Майер, скажешь на это?

— Это неправда, гражданин следователь! Во-первых, Трушкин врёт, что он хотел бежать вместе «со своим другом сержантом Петровым». Петров, как и я, был категорически против побега, потому что в этом случае немцы казнили бы гражданку Анну Власьевну Воронову и её дочь Любу.

— Откуда ты знаешь, что они бы их казнили?

— Староста при нас сказал Власьевне: «Смотри, если они убегут, тебя с Любкой повесят».

— Угу... И вы с Петровым решили никуда не убежать?

— Конечно. Во-первых, мы бы далеко не убежали в такие сильные морозы, которые тогда стояли, и в такой худой одежде, которая на нас была, а, во-вторых, мы не хотели подвести под петлю наших хозяек.

— Угу... А о Трушкине что можешь сказать?

— Кроме того, что он дурак, ничего плохого. Я, кстати, слышал, что уже подо Ржевом он и Петров бежали, но Петрова убили, а его немцы поймали, избили и, вроде, отправили в Германию в концлагерь. Но это не точные сведения. Мне рассказали, не называя их фамилий, но по описанию, это были они.

— Кто тебе рассказал?

— Тоже служивший в нашем батальоне. Имя Максим, а фамилию не знаю. Не одному мне рассказывал, между прочим. Но, выходит, Трушкин остался жив, раз дал на меня показания.

— Выходит, остался. Ну а об этом Максиме что можешь сказать?

— Ничего не могу. Наша встреча была мимолётной. Буквально через пять минут он ушёл, и больше я его не видел.

— Угу... Ну а теперь перейдём к твоим взаимоотношениям с немецкими солдатами в Алёшкино. Как ты с ними познакомился, какие установил отношения, передавал ли им информацию, если передавал, то какую? Нанесли ли твои действия вред нашему народу. Если такой вред был, советую рассказать, какой именно, помня, что чистосердечное признание облегчает вину и будет учтено при вынесении приговора. Кстати, начни со знакомства с офицером из луполовского лагеря. С какой стати он принял участие в твоей судьбе?

— Я много думал об этом. В этих знакомствах скверную роль сыграла моя страсть к театральным эффектам. Я в Маркштадте играл в студенческом театре...

— Не в Маркштадте, а в Марксе! Ну ладно, продолжай.

— Может оттуда идёт эта страсть. В первые дни нашего пребывания в лагере, этот офицер наблюдал за тем, как немцы раздавали еду нашим военнопленным. Они кидали перед ними гороховый концентрат в грязь как животным. Этот офицер смотрел на голодных людей, дерущихся за еду, с презрением и гордостью сверхчеловека. Я не бросился за едой, и стал смотреть на него с таким же презрением. Он спросил меня, почему я не ем. Я ответил ему, по-немецки, что так кормят зверей, а я не зверь, а человек. И этим ответом я ему понравился, хотя хотел сказать совсем другое: что у нас тоже есть своя гордость, что презрения достойны не те, кто доведён до такого состояния, а те, кто их довели. Но он оказался бóльшим нацистом, чем я мог предположить. Он сказал, что немец не имеет права сдохнуть от голода как собака. Он собирался убить меня немедленно, если я откажусь вступить в рабочий батальон. В чём тут его участие ко мне?

— Гм... Так себе объяснение! Но, допусти, допустим... А как ты свёл дружбу с немцами в Алёшкино?

— То же самое. Захотелось ошарашить одного из них.

И Майер подробно рассказал следователю историю своих взаимоотношений с Фрицем Вестенфельдером и теми, кто жил в доме Анны Власьевны.

Когда он замолчал, Чолобов сказал:

— Я спрашивал, сообщал ли ты противнику какую-либо информацию.

— Какую информацию я мог им сообщить?

— Я не знаю. Допустим о разговорах между служившими с вами в батальоне, в частности с Трушкиным.

— Этого никогда не было. Наоборот, я добыл важную информацию для нашего командования.

— Что ты говоришь?! Да ты, я вижу, мастак на выдумки!

— Я вас понимаю, в это трудно поверить, но это правда. Этому есть свидетель, хотя... Война, и столько времени прошло. Может, её и в живых нет.

— Кто же этот свидетель?

— Дочь нашей хозяйки Люба Воронова.

— Гм... Хорошо, что ты понимаешь, что твоё заявление выглядит уж очень неправдоподобно.

— Но вы ведь можете спросить её. Лишь бы она была жива!

— Я понимаю, что ты пытаешься затянуть следствие, но мы проверим эту версию. Итак, что такое ты передал нашему командованию? Как передал?

— Это было незадолго до католического Рождества. Я подслушал разговор немецких солдат. Они говорили, что русские высадили в Алёшкинском лесу парашютистов, и что завтра придётся идти ловить их. Они дрожали от одной мысли, что в такой мороз надо куда-то идти. Я подозревал, что Люба как-то связана с партизанами, и сообщил ей, что утром немцы отправятся в лес, на поиск наших парашютистов. Она сначала не поверила, но деваться ей было некуда. Она решила рискнуть и поверить мне.

И Майер рассказал, как он добыл Любе пропуск, как она успела предупредить наших, как немцы вернулись из своей экспедиции с носом.

— Гм... А что? Если то, что ты рассказал, подтвердится, это значительно облегчит твоё положение. Я, пожалуй, отправлю запрос в Алёшкино. Если Любовь Воронова жива — твоё счастье. Ты пойми, Александр, я ведь не ставлю задачу подвести тебя под монастырь. Виноват — будешь отвечать по полной программе, имеешь заслуги — будет учтено.

И Майер стал ждать ответа из Алёшкино. Дни шли за днями, уже и снег лёг на широкое поле, а ответа всё не было. За это время Александр рассказал следователю и о боях подо Ржевом и повторной встрече с Фридрихом Вестенфельдером; о его гибели, о своём ранении и отправке в Германию, об отказе подписать «Лист фольксдойче», о том, как он встретил фрау

Вестенфельдер, и как разрывался между стремлением домой и нежеланием оставить беременную жену. Но он чувствовал, что все эти рассказы ложились скорее на чашу весов с обвинениями. И он видел, что эта чаша стала перевешивать.

В эти дни его охватило отчаяние. Сначала это был страх смерти. Он представлял себе свой расстрел: выстрел и удар пули, потом смерть. Смерть он представить себе не мог — это было что-то неуловимое, неясное. То ему казалось, что просто погаснет свет в глазах, то мерещилось падение в бездну. Когда он думал о смерти, на него наваливался ужас. Несколько недель он не мог спать, и целыми ночами лежал в холодной камере в исподней рубашке, намоченной от жаркого пота. И вдруг ему всё стало безразлично.

«Ну и что, что меня убьют? — думал он. — На войне погибли миллионы, ну я ещё погибну в придачу. И что? Мир не потеряет абсолютно ничего. Что я потеряю? Страхи, боли, унижения... Что приобрету? Покой, вечный покой. Небытие... Как оно желанно. Как прекрасно не быть! Ведь смерть всё равно придёт. На двадцать, тридцать, сорок лет позже, но какая разница? Что будет в эти сорок лет? Ничего хорошего. Только новые страдания и переживания».

В таком настроении он явился однажды на допрос к Чолобову.

— Итак, гражданин Майер, — сказал тот, сев за стол и бросив перед собой распечатанный конверт, — мы получили ответ из Алёшкино на наш запрос о вашем пребывании там.

— От Любы?! Она жива?!

Александр подпрыгнул на стуле.

— Жива, жива.

— Что, что она ответила?!

Жизнь вскипела в нём и вырвалась из-под гнёта. Никогда Сашкино сердце не билось так сильно и так часто.

А Чолобов не спешил. Он долго доставал письмо из конверта и, расправив лист, наконец сказал:

— Ну слушай, что написала твоя подружка: «С Александром Майером я была знакома зимой тысяча девятьсот сорок первого — сорок второго года. Знаю его как верного советского человека, преданного нашему народу. В декабре он узнал, что немцы намерены провести тайную операцию по поимке советских парашютистов, и сообщил мне об этом. Он достал мне пропуск, по которому я вышла из деревни. Я прошла пятнадцать километров и предупредила наших. Они успели уйти. Это были командиры Красной Армии и радист. Их прислали для руководства партизанскими отрядами в нашем районе. После этого действия партизан против оккупантов стали намного активнее. Я ручаюсь за Александра Майера, в чём ставлю свою подпись: Любовь Васильевна Воронова». Вот тут характеристика на Воронову, что партизанка, награждена орденом Красной Звезды. Сейчас она работает в Алёшкино председателем сельского совета.

— И что теперь? Я свободен?

— Ишь какой шустрый! Я не знаю, что теперь. С одной стороны, тебя надо наградить за спасение, по всей видимости, очень важных офицеров. Но, с другой стороны, ты не явился добровольно для отправки на Родину. А что это значит — отказ от возвращения на Родину? Это приравнено к попытке бегства из СССР, то есть, к измене Родине, а это статья 58-1а. За это положен расстрел. Между наградой и расстрелом какая получится средняя арифметическая?

— Я не знаю.

— Вот и я не знаю. Это может решить только суд. Смягчающие обстоятельства у тебя есть, я о них не умолчу в «Заключении», ну а там, что скажет суд.

И суд вычислил среднее арифметическое. У него получилось семь лет исправительно-трудовых лагерей. И Александра Майера отправили за Полярный круг в Воркуту.

Воркута

В конце января поезд притащил Майера в Воркуту. Стоял жуткий мороз — градусов сорок, но на перроне почти до колена лежал снег — следовательно, мороз ударил не более суток назад. Над Воркутой вставало тусклое северное солнце.

На Сашке был бушлат и старые, до него неизвестно кем ношенные валенки, выданные ему в ПФЛ перед отправкой в Воркуту. Под бушлатом был ещё пиджак Пауля Вестенфельдера, подаренный ему Эльзой в первое утро их знакомства, и в котором он в последний раз пошёл на работу в мастерскую господина Квислинга. Сейчас ему казалось, что это было сто лет назад и с кем-то другим.

Конвой завел его и человек тридцать приехавших с ним эков из арестантского вагона в здание не то склада, не то конторы.

Майер украдкой достал из внутреннего кармана самый дорогой подарок Эльзы и, отвернувшись, взглянул на циферблат. Часы показывали двадцать минут девятого. Под стрелками значилась дата: двадцать пятое января.

Девять месяцев назад он с фрау Вестенфельдер дрались под кипарисами с американскими солдатами. Он вспомнил, как нёс её домой, каким лёгким и тёплым было её тело. Потом случилось то, отчего, обычно через девять месяцев, рождаются дети. Значит в ближайшие дни Эльза должна родить ребёнка — его ребёнка, а может уже родила. Ребёнок кричит, сучит ручками и ножками, Эльза кормит его грудью и думает о нём. А он сидит на вокзале в Воркуте и ничего не знает, и она не знает, что он в Воркуте, и на улице сорок градусов мороза. Хотя вряд ли она знает, что есть на свете такой город.

Через несколько минут из двери, спрятавшейся в стенной нише, вышли двое военных, в полушубках, шапках и валенках, и устроили прибывшим экам перекличку, после чего один расписался в документах, что сдал их, а другой, что принял, и прозвучала команда «на выход».

Двери со скрипом открылись, и впустили в помещение густые клубы морозного пара, а навстречу им на лютый холод вышли тридцать эков с отчаянием в груди. Двери захлопнулись, и эки отправились толпою, каждый за своей собственной единственной судьбой.

Идти было трудно, так как дорога была замечена три дня бушевавшей метелью, о чём эки узнали из разговоров вохровцев² между собой. Ноги вязли в снегу, да и дорога то поднималась, то шла под уклон. Шли долго и очень замёрзли, даже вохровцы в своих полушубках.

Сашка поморозил щёки, о чём сообщил ему мужчина лет сорока пяти, с которым он познакомился в поезде. Фамилия его была Ройзман, а звали Яковом Давидовичем. До войны он работал в одном из московских институтов и имел даже научные труды, о чём он поведал Сашке во время поездки.

На вопрос за что его посадили, Яков Давидович отвечал, что ни за что, но как-то туманно, из чего можно было заключить, что он сам не совсем был уверен, что так уж ни за что. Он остановился и, поставив на снег два баула, которые тащил не без усилия, вытащил из одного из них шерстяной шарф, завязал Сашке лицо по самые глаза. Своё лицо он закрывал высоко поднятым меховым воротником зимнего пальто. И воротник, и мех нахлобученной по самые брови шапки с опущенными ушами, завязанными под подбородком, и сами брови и ресницы были покрыты белой изморозью.

Благодарный Майер схватил баулы Ройзмана, понёс дальше и нёс до самого лагеря.

Наконец они пришли в зону, огороженную колючей проволокой. Сначала их, как положено, оформили и спросили нет ли у них вещей для сдачи в камеру хранения. У Майера таких вещей не было, всё было на нём или с ним, а Ройзман свои баулы сдал.

Вместе с десятью вновь прибывшими его отправили в седьмой барак, мало чем отличавшийся от остальных, таких же, побеленных извёсткой и заваленных снегом до окон. Над крышей дымило несколько кирпичных труб.

---

² ВОХР — военизированная охрана.

Недалеко от барака возвышалась вышка охраны, на которой притопывал и подпрыгивал часовой с винтовкой. Несколько эков отбрасывали снег от дверей. Его было так много, что снежные стены у входа были выше человеческого роста, и прибывшие шли между ними, как по туннелю. Солнце село, хотя была только половина второго дня.

Барак имел два крыла, между которыми была прихожая. Дверь прямо вела в комнату, где стояли столы, ящики, сейфы и слонялись люди с дубинками — наверное, в этой комнате вели дела, и дежурили надзиратели. Здесь их опять оформили и порадовали, что уже вечером они получат в столовой ужин и паёк хлеба.

Потом их повели в правое крыло барака, и они остановились перед закрытой дверью. Один из надзирателей заскрежетал в замке ключом, и впустил их в помещение, во всю длину которого тянулись двухэтажные нары, устроенные по секциям. В каждой секции к опорному столбу крепилось на обе стороны две верхние и две нижние лежанки. Между несколькими секциями промежутки были больше, и в них, под потолком находились окна с решётками.

Большинство эков было на работе, и только на некоторых нарах в разных позах сидели и лежали люди. У входа в углу стояла топившаяся голландская печь, но в комнате всё равно было холодно.

Большинство эков было на работе, и только на некоторых нарах в разных позах сидели и лежали люди

Войдя в барак, Александр Майер втянул ноздрями такую отвратительную вонь, с которой никогда и нигде не приходилось встречаться его носу. Ему пришлось перевести дух, ибо воздух застрял у него где-то в трахее, и организм ни за что не хотел пускать его дальше.

— Находите свободные места. Какое выберете, то и ваше, — сказал надзиратель, вышел и запер за собой дверь.

Опасливо озираясь, подошёл пожилой человек с кудлатыми седыми волосами по окраинам затылка и тихо спросил Майера:

— Я извиняюсь, вы случайно не еврей?

— Нет, я не еврей.

— А вы? — обратился опасливый человек к Ройзману.

— А я как раз еврей.

— Но вы совсем не похожи на еврея!

— Почему же?

— Не знаю. Просто не похожи — и всё.

— Мои друзья говорят то же самое: ты не похож ни на одного еврея, но все евреи похожи на тебя.

— А ещё есть евреи?

— Кажется больше нет, — ответил Ройзман.

— Меня зовут Марк Аронович Плоткин. Я желаю вас предупредить, что вас будут бить.

— Почему? — удивился Майер.

— Умоляю вас, тише!

— Нас будут бить?

— Обязательно будут.

— Кто?

Плоткин приложил палец к губам и скосил глаза к окну в торцовой стене. Там на нижних нарах несколько человек играли в карты.

— Dos zenen zeyer geferlekhe mentshn³.

— Ты понял? — спросил Ройзман.

Сашка кивнул.

— Так вы всё-таки тоже еврей?

— Нет, я немец.

— Понимаю, понимаю. Немецкий почти тот же идиш.

Майер усмехнулся.

— Послушайте, Марк Аронович, но ведь здесь столько народа, неужели никто не заступится? — спросил Майер.

— Никто! Бандитов здесь больше, чем политических лиц, и они всех запугали. В прошлом году убили троих политических и убийц не нашли. Ограбить новеньких — это для них ритуал... Так здесь давно принято. Если вас будут бить, никто не заступится. Все боятся! И совсем нельзя сопротивляться! Поверьте мне! Я вам хочу советовать: ради бога, если будет драка, не ввязывайтесь, а если будут бить вас, не сопротивляйтесь.

У окна игра закончилась взрывами смеха. В двери снова заскрежетал замок.

— Я пойду, — испуганно сказал Плоткин и порскнул к своему месту у двери.

С необычным для пожилого человека проворством он взобрался на верхние нары и бросал оттуда испуганные взоры.

Дверь отворилась, и в камеру вошло три человека. Впереди шёл мужчина лет тридцати с прыгающей на лице наглой улыбкой. У него были вьющиеся тёмно-русые волосы, чёрные глаза, — одним словом, красавчик. Несколько человек карточных игроков бросились к нему, он метнул им навстречу снятую шапку, которую они ловко поймали; стряхнул двум другим на руки свой бушлат, а третий, упав перед ним на пол, снял с него валенки.

— У нас пополнение?! — воскликнул красавчик, подошёл к Сашке и с той же наглой улыбкой уставился на него.

— Вы что-то хотели? — спросил Сашка.

---

³ Это очень опасные люди (идиш).

— Нет, ничего, — ответил наглец, вскинув голову и не переставая отвратительно улыбаться, — просто желаю познакомиться: Вася, Вася Макарчук.

— Очень хорошо, — холодно сказал Майер.

— Ну-ну, — сказал Васька, повернулся и вразвалку отправился на своё место.

— Вася! Он тебя не уважает, — сказал смазливый блондинчик.

— Мне, Казачок, его уважение глубоко до фонаря, — ответил Вася, валясь на лежанку.

— Вот будет ли ему до фонаря, если я его не стану уважать?!

Белокурый Казачок осклабился:

— Ох, не будет, Вася! Не будет ему до фонаря. Плакать будет, что ты его не уважаешь.

— Ты думаешь?

— Уверен! Покушаешь чего-нибудь, Вася?

— Не хочется. О-о-ох, О-о-ох! — завыл вдруг Макарчук.

— Что, Вася?!

— О-о-ох, товарищи родные! Карл Маркс умер! Фридрих Энгельс умер! Владимир Ильич Ленин умер! И мне что-то нездоровится.

Компания подобострастно засмеялась.

Вася резко оборвал вой, взметнулся из положения лёжа, и мигом оказался сидящим по-турецки:

— Ну что, Казачок, сыграем?

— Мне уж и играть не на что.

— Говори быстрее, что ставишь!

— Портянки.

— На хрена мне твои вонючие портянки!

— Так больше нечего...

— Ладно, ты ведь знаешь, что я добрый. Давай на портянки.

Макарчук запел отмерзительно-похабную песню «В эту тёмную ночь...», и игра началась.

Между тем Сашка с Ройзманом нашли свободное место. Майер вскарабкался на верхние нары, а Ройзман разместился под ним.

Утомлённый дорогой Сашка, не снимая пиджака и укрывшись ватником, быстро заснул. Ему снилась Эльза, её грудь и присосавшийся к ней младенец. Он не знал, почему в последние дни ему снится только Эльза, и совсем не снится Алиса. Он даже согласился бы, что это нехорошо, но разве люди могут управлять своими снами? Сон был счастливым. Он проснулся, чувствуя, что улыбается.

В камере горел свет. В углу за дощатой загородкой Казачок мочился в парашу. Из неё по комнате разливалась густая вонь.

Уголовники

В восемь часов барак вывели на ужин в столовую. Стояла глубокая ночь, по всей территории лагеря горели фонари.

Столовой был длинный барак. Вдоль стен тянулись ряды столов, за ними была раздаточная, а за раздаточной, наверное, кухня.

На первое был жидкий суп, на второе ложка пшенной каши и две крепко солёных маленьких рыбёшек. Пища не насыщала. Назад Майер шёл голодным.

Плоткин на идиш рассказывал Ройзману о Ваське Макарчуке. Васька был матёрым бандитом. Нынешняя ходка была для него четвёртой: он мотал двадцатилетний срок за вооружённое ограбление кассы и убийство кассира. Он сколотил вокруг себя целую банду, которая держит в страхе всю камеру, а может и весь барак.

— Он бесстрашный, наглый, жестокий и мстительный. Боюсь, Александр, он не простит вам невежливого отношения к своему лицу. Учитывайте, что этот человек не умеет терпеть сопротивление. Если будете бороться с ним, он может убивать вас ножиком.

— А надзиратели? Ведь всех постоянно обыскивают! Как у бандитов в камере могут быть ножики?!

— Никто не может отвечать на ваш вопрос, потому что все имеют предположение, что у него есть свои лица среди начальства, поэтому боятся жаловаться. Всех, кто приходит, они грабят, но нельзя предсказать, когда: может сегодня, может завтра или через неделю. Но запомните: нельзя сопротивляться и сильно кричать.

Сашка лежал на верхних нарах и обдумывал то, что сказал Плоткин. Ему было не по себе. Но вокруг всё было тихо и мирно. Ройзман читал какую-то книгу. Бандиты играли в карты. Играя, Макарчук мурлыкал песню:

«Смело мы в бой пойдём
За суп с картошкой,
И повара убьём
Столовой ложкой».

Майер успокоился и стал опять думать счастливые думы об Эльзе Вестенфельдер. Она одна стояла перед его внутренним взором, отодвигая всех на задний план. Да как же может быть иначе, ведь она, наверное, родила его ребёнка! Неважно, сына или дочь, важно, что его ребёнка!

После вечерней поверки часов в десять внезапно погас свет. Сашка не успел опомниться, как камера наполнилась топотом бегущи ног. Он накатывался именно на него, поднялся как морская штормовая волна и обрушился ему на голову. Несколько сильных рук схватили его за ноги и сдёрнули с нар. Падая, он успел схватиться за чью-то одежду, и только поэтому не разбил голову. Кто-то схватил его за волосы. Ему сжали и вывернули руки, стали сдирать с плеч пиджак.

Он рванулся изо всех сил, но сил было мало. Вокруг, едва различимые в темноте, колыхались неясные тени. Грабили молча, только сопели, крихтели, рычали, смрадно дышали в лицо. Майеру всё же удалось выдернуть ногу и пнуть кого-то в живот, и тогда на него посыпались удары. Били в грудь, в лицо, по рёбрам, голове.

Темнота поплыла и закружилась перед ним. С него стащили, наконец, пиджак. А в пиджаке, во внутреннем кармане были часы фрау Вестенфельдер!

— Помогите, помогите, на помощь! — это кричал Ройзман, и это было последнее, что он услышал.

Сашка очнулся, когда в камере горел свет. Болело всё тело. Рядом с ним лежал его пиджак с полуоторванным рукавом. Он схватил его... Часов в кармане не было.

Ройзман в одном исподнем, с глазом, заплывшем чёрной опухолью, колотил в дверь. Барак словно вымер, и за дверью не слышалось ни пороха. Урки лежали на своих местах, словно ничего не было.

В камере свежо и люто пахло морозом. У окна под потолком Казачок поднял голову и щурился на свет, будто спросонья:

— Что орёте?! — завопил он. — Дайте же наконец спать!

Плоткин лежал, натянув на голову серое тюремное одеяло.

— Отдайте часы, гады! — крикнул Майер, пытаясь подняться.

— Молчи, падла! — ответил Макарчук. — А ты, жид порхатый, перестань колотить в дверь, никто не придёт. — крикнул он Ройзмону.

Он был прав: никто не пришёл.

В пять часов включили свет и сыграли подъём. В комнате было холодно. У встававших с нар эков клацали зубы. А уже через четверть часа заклацали замки: выносите парашу! А кому выносить? Конечно вновь прибывшим.

И к новому для себя времени Майер не мог привыкнуть: половина шестого, а уже брезжат сумерки. Это посреди зимы, когда во всей России глубокая ночь!

В пять тридцать обитатели седьмого барака, не умываясь, не чистя зубов, пошли на завтрак. На небе уже занималась заря.

— Что делать, Яков Давидович? — сказал Сашка, когда они вышли на тридцатиградусный мороз. — Они отобрали мои часы — самое дорогое, что у меня было.

— С меня сняли джемпер и отобрали тёплый шарф, который я вам повязал вчера. Жена дала мне их во время ареста, она словно предвидела, что путь мой лежит в холодные края.

— Мне порвали пиджак... Как думаете, кому жаловаться?

— Я вас умоляю! Не надо ни на кого жаловаться! — взмолился Плоткин. — Если хотите найти своих часов, то это бесполезно. Они выкинули их в окошку, и там их давно подобрали такие, как они.

— Вы видели, как они выбросили наши вещи в окно?

— Зачем я буду видеть, я это давно знаю. В окошке есть шибка, которая как будто разбита и заткнута подушкой. Когда им надо что-то выбрасывать, они вынимают подушку и выбрасывают, потом ставят подушку на место.

— Зачем же вы молчали!

— Вы хотите спрашивать, зачем я не хочу, чтобы меня зарезали? Я хочу ещё встретиться с моей любимой женой и моими дорогими детьми. И ещё у меня есть мечта уехать в Палестину. Вы, молодой человек, наверное, хотите сказать, что я трус. Но лучше быть живым трусом, чем мёртвым героем. И какое «хорошо» я бы вам причинил, если бы сказал, что они выкинули ваших вещей в окошку? Вы не могли вставать с пола, как же вы собирались бежать босиком на улицу за своими часами? Я вас умоляю: делайте такую мину, что ничего не было. Никого не просите искать — не найдут! А если найдут и вернут ваших часов, будет ещё хуже. Они будут вам отомстить и заколют ножиком или заточкой. А может придумают такое, что будет для вас похуже.

— Да что же может быть хуже!

— О! Это никто не может знать, чего они могут придумывать!

— Я буду требовать отселить меня от них, — сказал Ройзман. — Это с их стороны просто неразумно: держать меня, кандидата наук, специалиста по горному делу в одной клоаке с этой нечистью, заставляя испражняться на их глазах в одну с ними парашу! Ведь я могу ещё приносить пользу! Вы посмотрите, как они меня избили, я еле вижу правым глазом.

— Уважаемый Яков Давидович, здесь никто не может ничего потребовать. И по-нашему никогда не будет. Это бесполезно. Ничего не видеть, ничего не замечать, ничему не сопротивляться — только так мы можем выживать.

На завтрак были тот же суп, что вчера, и та же каша. Но дали ещё пятьсот граммов хлеба.

После завтрака их вывели из столовой на улицу, сделали перекличку, пересчитали. Всё сошлось, сколько человек было по списку, столько же было налицо, и их передали охране. Эта процедура длилась достаточно времени, чтобы все успели замёрзнуть.

После завтрака их вывели из столовой на улицу, сделали перекличку, пересчитали

Несколько человек, в том числе Майера, вывели в лагерную зону на хозяйственные работы. Впрочем, он вызвался сам, чтобы не быть в одной комнате с избившими его ночью уголовниками.

Через несколько дней в их камеру привели новых заключённых. Одного из них звали Харченко. Он был невысок, но широкоплеч, и когда пожимал Сашке руку, тот почувствовал твёрдость чугуна. Он рассказал, что был старшим лейтенантом, и уже в конце войны дал в морду командиру батальона. Его осудили на пять лет, но Харченко отсидел полгода и бежал. Ему дали десять лет и отправили в Воркуту.

— Ай, ай! — говорил слушавший это Плоткин. — Как неразумно, как глупо вы поступали! Терпеть надо, смириться надо!

— Не умею я смириться! Ведь я правильно ударил того майора, а мне пять лет! За что?! И правильно я бежал! Меня, боевого офицера, в тюрьму! Я вам кто: советский офицер или уголовник? Я сразу на суде им сказал, что убегу!

Майер, сел с ним рядом на нары и шёпотом рассказал о грабеже:

— У вас есть с собой что-то ценное?

— Есть. Во всяком случае, есть такое, что я буду защищать до конца и живым не отдам в их поганые руки.

— Я вас умоляю! Только не сопротивляйтесь! — выпучив глаза прошипел Плоткин. — Они всех нас будут резать ножиками!

— Посмотрим, — сказал Харченко.

— Как погаснет свет, будьте готовы — это сигнал для атаки, — сказал Майер.

— Понятно. Ты с нами?

— Да.

— И мои ребята... Это Лёша, это Коля. Четверо. Их сколько?

— Человек пятнадцать.

— Что ж, полезут, примем бой. А бой, как говорил товарищ Некрасов, решит судьба.

Ройзман сидел на нарах рядом с ними и молчал. Его лицо — в чёрных, фиолетовых, жёлтых пятнах — говорило лучше всяких слов, что Майер сказал правду.

— Я пойду спать, — тихо сказал Плоткин и пошёл на своё место под потолком, чтобы тревожно сверкать оттуда глазами, как кот из тёмного угла, на непредсказуемо жестокого хозяина.

Свет не гас. Напряжение росло. Время от времени Майер бросал взгляды на бандитов. Они, как ни в чём не бывало, резались в карты. Сашка чувствовал удивлявшее его самого спокойствие, может оттого, что рядом с ним было трое крепких ребят.

Васька сидел к нему спиной, напевая очередную похабную песенку: «Я пошла на речку...»

Вдруг он обернулся и посмотрел в их сторону. И по выражению его гнусного наглого лица Сашка понял, что они уже готовы. Макачук оценивал диспозицию.

Дали отбой, погас свет, и сразу стук десятка прыжков с нар. И начался набег! Но политические были готовы. Внезапность в этот вечер была не на стороне бандитов. Неожиданно для них навстречу им бросилось четверо молодых людей, прошедших войну.

Харченко ударом в челюсть опрокинул бандита, мчавшегося впереди. Он свалился на нары, сметя с них хозяина. Сашка ударил навстречу какому-то коротышке, но промахнулся. Они сцепились и покатались по полу. Майер оказался сверху и, рыча от ярости, стал дубасить врага.

— Ссвоlochь! — хрипел тот. — Братва, на помощь!

— Держись, Крюк!

И Сашка слетел с него от удара чьей-то ноги, но тут же вскочил и пнул в поясницу Казачка, сзади схватившего за шею Харченко.

Ройзман колотил в дверь и вопил во всю мочь своей глотки:

— Сюда, сюда! Помогите!

Высшее напряжение. Тяжкое дыхание, натужное сопение. Хрясь! Вскрик. Стук падающих тел.

— Вася? — это крикнул Казачёк.

— Не надо! — ответил с нар Вася.

О чём они? Нож, заточка?

Бандиты стали одолевать: их вдвое больше, и они уже поверили в победу — в комнату через разбитое окно уже врвался морозный воздух Воркуты. Рано, господа бандиты! Нечего ещё выбрасывать!

Майер получил мощный удар в лицо, во рту солоно, по бороде потекла кровь. Ещё немного и их будут месить. Но счастье в этот вечер отвернулось от урок.

Не две слабых профессорских руки, а несколько рук колотили в дверь:

— Убивают!

В замке заскрежетал замок, вспыхнул свет, и в камеру ворвались надзиратели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.